

УДК 811.161.1

**«ЯЗЫК ЦЕННОСТЕЙ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ
И ПУТИ ЕГО ИСЧИСЛЕНИЯ**

© 2011 г.

Т.Б. Радбиль

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

radbil@sandy.ru

Поступила в редакцию 14.12.2010

Делается попытка объективного исчисления «языка ценностей» в современной русской речевой практике посредством анализа контекстов употребления единицы, которые выступают как максимально релевантные для экспликации ее позитивно- или негативно-оценочного потенциала.

Ключевые слова: «язык ценностей», языковая экспликация оценки, псевдо-ценность.

Языковая объективация столь неуловимой «материи», как ценности, представляет собой очевидную проблему для лингвиста, потому что непонятно, в каких конкретно языковых феноменах искать «наивную аксиологию» как определенный срез, пласт языковой модели мира этноса, каким образом достоверно и верифицируемо исчислить и формализовать пресловутый «язык ценностей» в естественном языке. Н.Д. Арутюнова пишет: «Оценка в той же мере относится к области реакций, как и к области стимулов. Она столь же неуловима, сколь и вездесуща» [1, с. 183].

Между тем носитель языка вполне корректно оперирует оценочным потенциалом разнообразных единиц языковой системы и с видимой легкостью ориентируется в их достаточно тонких пресуппозитивных и коннотативных нюансах, даже не отдавая себе в этом отчета на рациональном уровне, не рефлектируя своих ценностных словесных реакций на мир.

Легкость оперирования «языком ценностей» не отменяет сложности его устройства. Анализируя язык эмоций («эмоциональные концепты»), А. Вежбицкая резюмировала: «При ближайшем рассмотрении человеческая концептуализация эмоций являет собой систему неосознаваемых (разрядка наша — Т.Р.) противопоставлений невероятной чувствительности, тонкости и точности» [2, с. 71]. Все это не в меньшей степени применимо и к «языку ценностей».

Таким образом, «язык ценностей» есть реальный факт нашего языкового сознания, но, как и многое другое в языковой концептуализации мира этносом, не дан нам в непосредственном наблюдении, он может быть не эксплицирован в каких-то конкретных словах и выраже-

ниях, категориях, моделях и формах языковой системы. Однако его можно каким-то образом выявить, обнаружить, и некоторым механизмам его обнаружения как раз и посвящена данная работа.

Для начала необходимо поставить вопрос о разграничении ценностей индивидуального или социально-группового характера, которые выступают как феномены экстралингвистические, привносимые в узус авторитетными социальными движениями, политическими течениями или «давлением» СМИ, и ценностей, которые непосредственно закреплены в сфере лексической и грамматической системы национального языка или речевой практики, узуса. Так, вполне резонно допустить, что в современном обществе, в духе тенденций политкорректности и толерантности, формируется тренд терпимого и даже позитивного отношения, например, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, но естественный язык пока не отражает этих прогрессивных изменений, еще не выработал соответствующих номинативных единиц и коннотаций. При этом отметим, что существование обтекаемых эвфемизмов и других искусственных языковых образований как раз свидетельствует в пользу устойчивой негативно-оценочной коннотированности данных явлений, по крайней мере, в языке, в его «наивной аксиологии».

Примечательна глубокая характеристика подобной ситуации несовпадения — и даже полного расхождения — требований идеологии определенной части общества и существующей системы оценок в языке, данная в книге Н.Д. Арутюновой. Рассматривая «теорию совокупной пользы, проистекающей из максимума удовольствия» как основы для общественной

нравственности И. Бентама, Н.Д. Арутюнова показывает, как естественный язык словно сопротивляется попыткам философа найти нейтральные дескрипции, столь необходимые для его теории, для таких отрицательных номинаций, как *сладострастие* и *скудость*.

Н.Д. Арутюнова заключает: «Таким образом, наука нравственности, покуда она пользуется естественным языком для формулировки своих положений, должна заботиться о том, чтобы сообразовываться со значениями слов, иначе создаваемый текст не может не оказаться насыщенным противоречиями аксиологического плана: то, что автор считает хорошим, язык квалифицирует как дурное. Сколько бы ни утверждал Бентам, а впоследствии сторонники так называемого разумного эгоизма, что польза и благо — это одно и то же, язык с этим не согласится, и последнее слово в этом вопросе останется за ним» [1, с. 151—152].

Почему же последнее слово остается за языком? Да потому, что именно язык представляет собой спрессованный опыт многовековой интроспекции его носителей, т.е. то, что наиболее значимо и доказало свою жизнеспособность в процессе взаимодействия человека с враждебной средой, его духовной эволюции в истории и культуре, тогда как идеологиям и теориям свойственно ветшать и отмирать в борьбе с другими идеологиями и теориями.

Иначе говоря, расхождения между ценностями, декларируемыми в угоду модным идеологическим и культурным трендам или социальным реалиям, и их оценкой в языке могут быть существенными. Так, в последнее время в отечественном социокультурном пространстве, во многом под влиянием инокультурных, западных образцов, активно пропагандируются чуждые для исконной русской концептосферы ценности индивидуализма, карьеризма, амбициозности, утилитаризма и пр. Однако в языковой концептуализации указанных явлений обнаруживается их определенное отторжение, неприятие: при употреблении номинативных единиц подобного типа возникает нерефлектируемая, неосознанная отрицательная оценочность. Отметим, что пока еще обнаруживается неприятие, но вполне может статься, что через поколение-другое — уже не будет...

Существуют объективные языковые свидетельства, способные выявить наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или позитивной, которая задана специфично языковыми средствами ее экспликации, независимо от «новейших» авторитетных идеологических, культурных или полити-

ческих установлений. Объективная языковая оценочность как аксиологический фрагмент языковой картины мира должна входить в значения слов и выражений в неявном виде, в их пресуппозитивную, коннотативную или импликационную часть, потому что только так носитель языка может оперировать ими, принимая их на веру, не рефлектируя и не задумываясь: «Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира» [3, с. 9]. Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание.

Таким образом, «подлинная», «реальная» языковая оценка должна быть чем-то вроде неассертивного компонента смысла слова или выражения, выявляемого из совокупности таких контекстов употребления данной единицы, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной. Такие репрезентативные контексты и будут служить «тестами» как на само наличие языковой оценочности, так и на ее «знак» («плюс» или «минус»).

В данной работе подробно будет рассмотрен только один такой «тест», который, на наш взгляд, обладает «максимумом релевантности». Речь пойдет о контексте так называемого **оценочного метаязыкового комментария** «в хорошем смысле (этого) слова».

Ранее нами было сделано одно частное наблюдение: «Специфика оценочной сферы языкового менталитета на коннотативном уровне обнаруживает себя при сопоставлении единиц разных языков со сходным номинативным содержанием, но различающимися оценочными коннотациями. Так, например, английское слово *ambitious* ‘стремящийся к (чему-л.); жаждущий (чего-л.)’ нельзя передавать соответствующим русским заимствованием *амбициозный*, так как русский вариант содержит явную негативную оценку. Точнее этот же смысл с сохранением исходной положительной оценочности в английском слове передается с помощью прилагательного *честолюбивый*. Дока-

зательством расхождения полюсов на оценочной шкале служит русское описательное словопользование *амбициозный в хорошем смысле*, где экспликация говорящим позитивной оценочности в ассертивной части выражения свидетельствует о том, что «по умолчанию», в пресуппозиции здесь потенциально предполагается оценка отрицательная» [4, с. 70—71].

Почему именно оценочный метаязыковой комментарий является критерием наличия оценки, к тому же противоположной по знаку той, что вербализована в самом комментарии? Вообще говоря, любой (не только оценочный) метаязыковой комментарий играет в речевой практике огромную роль, поскольку, во-первых, выступает как объективный индикатор рефлексивной языковой рефлексии носителя языка, показатель ее приоритетов и скрытых тенденций, а, во-вторых, посредством языкового комментария говорящий управляет своим дискурсом, организует его структуру для оптимального восприятия адресатом и т.д. Его автореферентный характер снимает возможные семантические, стилистические, категориальные, формально-структурные ограничения на сочетаемость. Возвращаясь к собственно оценочному метаязыковому комментарию *в хорошем смысле (этого) слова*, отмечу, что его употребление в дискурсе является сигналом неявной, во многом неосознанной оценочной реакции говорящего на номинативную единицу, причем реакции сложной природы. Употребляя его применительно к определенным словам, говорящий выражает тем самым свое сомнение в том, что они — без этого специального разъяснения — будут восприняты адресатом в требуемом положительном оценочном регистре. Говорящий словно чувствует: здесь что-то не так, с этим словом, оно в общепринятом мнении не является безусловным носителем позитивной ценности, а скорее, напротив, это сигнал ценности отрицательной. Ср. слова Александра Абдулова: *Я — хулиган. В хорошем смысле слова*. Адресата еще надо убедить, что это — положительная ценность.

Таким образом, исходная гипотеза данной работы — слова и выражения, которые нормально, узуально и идиоматично сочетаются с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова* выступают как выразители языковой негативной оценочности особого типа. Материалом для исследования являются наблюдения за контекстами употребления оценочного метаязыкового комментария в сети Интернет, что, как кажется, способно пролить свет на состояние современной оце-

ночной сферы в отечественной речевой практике.

Будем исходить из того, что в толкование интересующих нас слов неассертивно, неявным образом входит оценочный компонент, или в виде оценочной установки: ‘Хорошо, что Р.’, или в виде имплицитного оценочного предиката: ‘Быть Р. — хорошо’, или в виде элемента метаязыка толкований — языка семантических примитивов А. Вежбицкой: ‘Это хорошо [для данного лица]’.

Для начала путем лингвистического эксперимента следует отсеять отрицательный лингвистический материал. В нашем случае это означает выявление аномальных, запрещенных системой сочетаний с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова*. Согласно теории языковой аномальности, развиваемой Ю.Д. Апресяном, не всякое логическое противоречие запрещено системой и ведет к языковой аномалии, т.е. к системно-языковому запрету. Так, столкновение противоречивых ассертивных смыслов в лексических значениях слов (типа *плохой хороший человек*) к аномалии языка не ведет. Языковая аномальность зависит от того, насколько велика глубина залегания исключающих друг друга смыслов в семантических структурах сочетающихся единиц. Т.е. она возникает в случае противоречий между лексическим значением и коннотацией, пресуппозицией или модальной рамкой, в случае противоречий между прагматическими или коннотативными аспектами значений сочетающихся единиц, а также в случае противоречий между их лексической и грамматической семантикой [5, с. 624—625]. Ю.Д. Апресян выделяет два типа такой аномальности — **тавтология** (*почти маловероятно*) и **противоречие** (*подробно коснулся*). В моей монографии [6] вводится еще один тип — **алогизм** как столкновение несочетающихся смыслов, принадлежащих к разным возможным мирам (*северная рука*).

Наше тестирование возможности / невозможности сочетаемости с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова* обнаруживает все три типа системно-языковых запретов.

1) Аномалия, ведущая к тавтологии, — невозможность сочетаемости со словом или выражением, имеющим явный положительный оценочный компонент: **Бог в хорошем смысле слова; *красивая в хорошем смысле слова; *любить в хорошем смысле слова*.

2) Аномалия, ведущая к противоречию, — невозможность сочетаемости со словом или

выражением, имеющим явный отрицательный оценочный компонент: **мерзавец в хорошем смысле слова*; **гадкий в хорошем смысле слова*; **клеветать в хорошем смысле слова*.

3) Аномалия, ведущая к алогизму, — невозможность сочетаемости со словом или выражением, не имеющим вообще никакого оценочного компонента, иррелевантным по отношению к выражению оценочности: **стул в хорошем смысле слова*; **стеклянный в хорошем смысле слова*; **есть в хорошем смысле слова*.

Этот тест позволяет выявить ограниченную группу возможных контекстов употребления слов и выражений в сочетании с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова*: *Свадьба — событие экстрамальное, в хорошем смысле этого слова*; *Круизы — это отдых для расчетливых в хорошем смысле слова туристов*; *Шок — в хорошем смысле слова!*; *.... мне подавай что-нибудь более brutальное в хорошем смысле этого слова*; *Искрометная и в хорошем смысле слова бесшабашная комедия...*

Общее для всех этих употреблений, выделенных полужирным шрифтом, — то, что в их толкование неявным образом входит весьма сложный оценочный комплекс, который в работе Н.Д. Арутюновой именуется «сравнительной оценкой» (в терминах *лучше / хуже* — типа *X лучше Y*) [1, с. 175—176]. Добавим, что эта оценка не только **сравнительная**, но и **поли-модальная**, т.е. одновременно характеризующая объект оценки с разных сторон — и в положительном, и в отрицательном регистре (*X в каком-то смысле хорошо, а в каком-то плохо*).

Но *Генеральный прокурор в хорошем смысле слова непреклонен*. — Здесь отрицательная оценочность присутствует в **ядерном компоненте** оценочной коннотации, «по умолчанию», без дополнительных экспликаций, а положительная оценочность — в зоне **импликационала, потенциальной коннотированности**, которая проявится при определенных условиях погашения или нейтрализации наличных отрицательных оценочных сем. Подобный сложный оценочный комплекс как элемент толкования может выглядеть примерно так: *X вообще плохо, но в каком-то смысле может быть хорошо*.

Ср., например: *Да и в жизни он весьма **рас-судительный, прагматичный и расчетливый человек**, в хорошем смысле этого слова*. Прилагательные *рассудительный, прагматичный, расчетливый* без «добавки» в виде *в хорошем смысле этого слова*, т.е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный ком-

понент. Эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употребление неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* выступает как своего рода оператор семантического преобразования лексемы, которая меняет свое значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но это доказывает, что без такого преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали! Таким образом, оценочный метаязыковой комментарий служит надежным средством выявления языковой отрицательной коннотации особого типа — ср., например: [Путин]: *Медведев не меньший националист, в хорошем смысле слова, чем я сам*; [Владимир Лорченков]: *«Я постмодернист в хорошем смысле слова»*.

Таким образом, по результатам нашего теста на сочетаемость с оценочным метаязыковым комментарием можно выстроить следующую иерархическую типологию ценностей: 1) аномалии-тавтологии первой группы выражают эксплицитную собственно ЦЕННОСТЬ; 2) аномалии-противоречия второй группы выражают эксплицитную АНТИ-ЦЕННОСТЬ; 3) аномалии-алогизмы третьей группы выражают НЕ-ЦЕННОСТЬ, лежат вне поля языковой оценочности и, следовательно, вне ценностной иерархии.

Тогда «разрешенные» неаномальные употребления займут в нашей иерархии промежуточное положение между ЦЕННОСТЬЮ «наверху» и АНТИ-ЦЕННОСТЬЮ «внизу». Их можно именовать ЛОЖНАЯ ЦЕННОСТЬ, или ПСЕВДО-ЦЕННОСТЬ. Дело в том, что подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы) безусловны и аксиоматичны [1]. Лишь псевдоценности могут быть «хорошими» только при определенных условиях, с каким-то ограничением или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией таким, на первый взгляд, невинным оценочным метаязыковым комментарием, как *в хорошем смысле (этого) слова*.

Тесту на «псевдо-ценности» удовлетворяют, например, такие словоупотребления: *Баста [рэпер]... стал еще большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова*; *Карьерист в хорошем смысле слова* и пр. С нашей точки зрения, этот тест является универсально-языковым механизмом, т.е. он применим в любом языке, хотя, разумеется, результаты будут иной раз противоположные.

Кроме того, видимо, языковые единицы относятся к разным классификационным группам

ценностей не абсолютно: они могут подниматься или опускаться на ступень в иерархии в разные периоды развития языка. Так, примерно до середины XIX в. едва ли было можно сказать **эгоист* в хорошем смысле слова (до эпохи «теории разумного эгоизма» Чернышевского), т.к. *эгоист* входил в группу анти-ценностей; сегодня он «поднялся» на одну ступень — на уровень псевдо-ценности, поскольку *эгоист* в современном узусе легко проходит тест на сочетаемость с оценочным метаязыковым комментарием. В недавнем советском прошлом не могло возникнуть сочетание, **коммунизм* в хорошем смысле слова, т.к. «коммунизм» входил в группу собственно ценностей, а сегодня «спустился» на ступень псевдо-ценности.

Тест также пригоден для языкового кода любой степени общности, т.е. и для выражения особенностей индивидуальных языковых картин мира и систем ценностей — ср., например: *Да, я ненормальная, но в хорошем смысле слова; Истеричка в хорошем смысле этого слова; Есть даже «развратные в хорошем смысле слова».*

В этих случаях мы имеем дело с окказиональным, «игровым» (т.е. неузвальным) употреблением оценочного метаязыкового комментария в целях экспрессивности или для других специальных коммуникативных интенций. Например, мне не встречалось **мужчина* в хорошем смысле слова, но зафиксированы фразы типа: *Она была женщиной в хорошем смысле этого слова; Великие высказывания о женщинах в хорошем смысле слова.* — Нетрудно увидеть здесь отражение маскулинной точки зрения на мир.

Кстати, следует отметить, что сочетание в плохом смысле (этого) слова является квазиантонимичным и несимметричным анализируемому. Во-первых, видимо, оно стилистически ограничено исключительно разговорной и просторечной средой. Во-вторых, оно не является метаязыковым комментарием: его употребление не дезавуирует псевдо-ценность, а интенсифицирует анти-ценность, т.е. оно просто усиливает негативно-оценочное значение, имеющееся в толковании опорного слова — ср., например: *Голливудчина в плохом смысле слова; Женский мазохизм в плохом смысле этого слова; Настоящая ЖЕСТЬ в самом плохом смысле этого слова.*

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ.ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
3. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 327 с.
5. Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 622—628.
6. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. М.: МПГУ, 2006. 320 с.

«LANGUAGE OF VALUES» IN MODERN RUSSIAN SPEECH AND THE WAYS OF ITS CALCULATION

T.B. Radbil

This work is an attempt to objectively calculate the «language of values» in modern Russian practice of speech by analyzing the contexts for the use of a unit, which act as the most relevant ones for explication of its positive or negative evaluation potential.

Keywords: «language of values», language explication of evaluation, pseudo-value.